

Старец Иосиф Исихаст

Безусловно, старец Иосиф Исихаст, или Пещерник (Спилеот), является одной из самых замечательных духовных личностей нашего столетия. Он показал своей жизнью, что и сейчас достижим тот уровень святости, который был у древних отцов. Он был учителем “умного делания”. Сам опытно изучивший искусство молитвы, и прежде всего умной молитвы, он делился своим опытом с другими. Он воспитал трех игуменов монастырей на Святой Горе. Один из его учеников, отец Ефрем, который написал это его краткое жизнеописание, сам основал за последние пять лет десять монастырей в Америке. Все это — плоды духовности старца Иосифа.

Конечно, чтобы представить во всей полноте образ старца Иосифа, недостаточно маленькой статьи. Однако пусть нижеприводимое жизнеописание старца послужит знакомству русского читателя с этим удивительным подвижником.

Вспоминаю, мне было пятнадцать лет, когда я направился в удел Божией Матери — на Святую Гору. На этот путь к монашеской жизни меня наставила моя добродетельная и монахолюбивая мать — ныне монахиня Феофания.

В первые годы несчастий оккупации¹, когда ради работы я прервал свое обучение в гимназии, в одну из двух церквей старостильников² в Волосе пришел служить священником один иеромонах-святогорец. Он был монахом у старца Иосифа Исихаста, как его называли. Этот иеромонах-святогорец стал для меня в то время многоценным советником и помощником на моем духовном пути. Он стал моим духовником, и благодаря его рассказам и советам через непродолжительное время я начал чувствовать, как мое

сердце отдаляется от мира и прилепляется к Святой Горе. Также когда он рассказывал мне о жизни старца Иосифа, что-то воспламенялось внутри меня, и жаркими становились моя молитва и желание познакомиться с ним.

Когда настало 26 сентября 1947 года, кораблик не спеша переносил нас из мира на святоименную Гору — кто-нибудь сказал бы, что он вез нас от берега переходящего к противоположному берегу — вечности. На ступеньках, ведущих к монастырю святой Анны, нас ждал благочестивый старец отец Арсений.

— Ты не Яннис из Волоса? — спросил он меня.

— Да, старче, — отвечал я ему, — однако откуда вы меня знаете?

— А, — сказал он, — старец Иосиф знает об этом от святого Иоанна Предтечи. Он явился ему вчера вечером и сказал: “Я несу тебе одного ягненка, прими его в свое стадо”.

Я всей мыслью обратился к святому Иоанну Предтече — своему предстателю, на рождество которого я родился. Я чувствовал глубокую признательность ему за эту его заботу.

¹ Греция в 1940 году была оккупирована немецкими войсками.

² Речь идет о раскольниках в Элладской Церкви, которые, не приняв ее перехода на григорианский календарь, отпали от тела Церкви. Сейчас существует множество “синодов” старостильников, которые предали друг друга анафеме и усугубили этот раскол.

— Ну, Яннис, пойдём, — сказал мне отец Арсений. — Пойдём, потому что старец ждёт нас.

Мы поднялись. Что за чувства! Сколько бы сил у кого ни было, он не смог бы описать их. В тот вечер в церквушке святого Предтечи, которая была высечена в пещере, я сделал поклон, знаменующий мое вхождение в послушание. Там в едва заметном свете моя душа своим особым образом узнала светлый образ моего святого старца.

В нашей общине я был самым младшим по телесному и духовному возрасту. Старец Иосиф был одной из величайших святогорских духовных величин нашего времени. Я прожил близ него двенадцать лет, обучаясь у его ног. Столько же времени он прожил после того. Бог удостоил меня прислуживать ему до самого последнего его святого вздоха. И он был достоин всякого служения: за множество его духовных трудов, за его святые молитвы, которые он оставил нам как ценнейшее духовное наследие. Я узнал его как истинного богоносца. Великолепный духовный военачальник, опытнейший в брани против страстей и демонов. Невозможно было, чтобы человек пришел к нему и не изменился, каким бы страстным он ни был. Достаточно было только оказать ему послушание.

Говоря о монахах, выше всего он ставил хриstopодражательное послушание. Для мирян он предпочитал советовать умную молитву, однако всегда под руководством опытного наставника, потому что он видел множество раз, как люди впадали в прелесть.

“Видишь человека, который не принимает советов или не придерживается советов? Подожди, скоро

увидишь его в прелесть”, — часто говорил он нам.

В соблюдении нашего аскетического чина он был самым строгим. Всею своею душою возлюбил он “пост, бдение, молитву”. Хлеб и немножко еды он употреблял всегда в меру. Не ел свежей еды, если знал, что что-то осталось со вчерашнего или позавчерашнего дня. Однако по отношению к нам, молодым, был умерен в том, что касалось поста. Ибо видел столько телесных немощей, что рассудил за необходимое поберечь нас. Однако, кажется, вся его снисходительность исчерпывалась этим снисхождением. В остальном он был жестко требовательным не потому, что

не умел прощать ошибки или терпеть немощи, но желал того, чтобы мы мобилизовали все силы души и тела в аскезе. Ибо он говорил: “То, что не даем, чтобы это использовал Бог, использует другой. Поэтому и Господь дал нам заповедь возлюбить Его от всей души и сердца, чтобы лукавый не находил места и покоя остановиться в нас”.

Каждую ночь мы пребывали в бдении. Это был наш устав. Он требовал, чтобы мы до крови боролись против сна и нечистых помыслов. Он сам пребывал в бдении в темноте своей келлийки вместе со своим неразлучным другом — непрестанной умной молитвой. Даже будучи в уединении, он показывал, что знает о том, что происходит снаружи: как мы движемся и как ходим. С одного взгляда читал наши помыслы. И когда видел, что у нас была нужда в духовном укреплении, рассказывал нам о различных удивительных подвигах отцов-святогорцев. Он был даровитейшим рассказчиком. Когда говорил, хоте-

лось слушать его постоянно. Однако несмотря на всю свою природную одаренность, когда он начинал говорить нам о Божественном просвещении, о состояниях благодати, часто выказывал неловкость, потому что бедный человеческий язык не мог помочь ему выразить глубину его опыта. Он становился, как безгласный, как будто был далеко от нас, не будучи в силах говорить о том, что находится на сверхневедомой, сверхсветлой, высочайшей вершине мистических смыслов там, где пребывают простые и абсолютные, неизменные и сокровенные таинства богословия.

Мой старец не изучал богословие. Однако богословствовал с величайшей глубиной. В одном из своих писем он пишет: "Истинный монах, когда в послушании и исихии очищает чувства, когда его ум утишается и сердце очищается, тогда получает благодать и просвещение ведения и становится весь свет, весь ум, весь ясность; и источает богословие, так что если записывают трое, то не успевают за потоком благодати, который исходит волнообразно и распространяет мир и крайнюю неподвижность страстей по всему телу. Сердце пламенеет от Божественной любви и взывает: "Удержи, Иисусе мой, волны Своей благодати, потому что я таю, как воск". И действительно, оно тает, не выдерживая. И ум захватывается в созерцание, и происходит смещение, и человек пресуществляется и становится одним целым с Богом, так что не знает или отделяет себя от Него, подобно железу в огне, когда оно раскаляется и соединяется с огнем".

Из этих его слов видно, что Божественный мрак, который ярко освещается нетварным светом, не был неведомой и недоступной ему областью, он знал его как место и способ Божьего присутствия, как сокровеннейшее таинство, как сверхсветлый и сверхъяснейший свет. И это потому, что мой старец умел молиться. Много раз, когда он выходил после многочасовой сердечной молитвы, мы видели его лицо изменившимся и светлым. Не было ничего удивительного в том, что тот свет, в котором постоянно омывалась его душа, время от времени омывал также видимо и его тело. С другой стороны, светлый нимб святых есть не что иное, как отражение нетварного света благодати, который сияет и блещит золотом внутри них.

Чистота старца была чем-то удивительным. Помню, когда я входил вечером в его келлийку, все благоухало. Я чувствовал, как благоухание его молитвы наполняло собой все, что его окружало, воздействуя

не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Когда он беседовал с нами о чистоте души и тела, всегда в качестве примера приводил Божию Матерь.

"Я не могу вам описать, — говорил он, — насколько приятны Богородице целомудрие и чистота. Она есть единая чистая Дева и поэтому хочет, чтобы все мы были такими, и любит таких". И затем говорил: "Нет более благоуханной жертвы для Бога, сколько чистота тела, которая приобретает кровью и жестокой борьбой". И завершал: "Отсюда поспешите, очищая душу и тело, не принимайте никаких нечистых помыслов".

Если говорить о молчании, — ни одного слова он не говорил без нужды. Особенно в Великую Четырдесятницу, когда они были одни вдвоем с отцом Арсением и хранили молчание всю неделю. Разговаривали только с вечерни субботы до повечерия воскресенья, а остальное время недели — в молчании. Сообщались мыслями. И так как он видел в подвиге молчания большую пользу, то и нам запрещал разговаривать между собой — только по совершенной нужде можно было нарушать молчание. Когда Старец он посылал нас за пределы нашей пещеры для какого-то послушания, то от не разрешал нам разговаривать ни с кем. Помню, когда я возвращался, он всегда подробно расспрашивал, сохранил ли я абсолютное послушание и молчание. За два-три слова в нарушение заповеди мое первое правило было двести поклонов.

Однако этот небесный человек умел с таким умением излечивать страсти своих послушников, что они могли, оставаясь просто рядом с ним, становиться другими людьми. Но мало кто оставался. Многие уходили, ибо нелегко было оставаться рядом с ним. Особенно моему смирению его отеческая любовь дала такое воспитание, что многим, если услышат, это покажется невероятным. Например, за двенадцать лет, что мы прожили вместе, я считанные разы слышал свое имя в его устах. Чтобы позвать меня, он использовал все оскорбительные слова и все соответствующие украшающие эпитеты. Однако сколько любви в этих умышленных издевках, сколько непорочного интереса за этими оскорблениями! И сколь признательна моя душа теперь за эти хирургические вмешательства его чистейшего языка!

Мы прожили в пустыни достаточное количество лет. Однако от различных невзгод почти все заболели. Старец в молитве получил повеление спуститься ниже, как и произошло. Климат там был мягче, тру-

ды — умереннее, и мы пришли в себя, за исключением старца: он был болен на протяжении всей своей жизни. Хотите — от поста, хотите — от трудов бдения, от потов молитвы или от действия искушений, в любом случае от всего этого он дошел до того, что весь стал одной сплошной раной. Однажды я спросил его: “Старче, зачем вы теперь так поститесь, после столького истощения?” И он мне ответил: “Сейчас, дитя мое, я пощусь, чтобы наш благой Бог дал вам Свою благодать”.

Однако, несмотря на его телесные болезни и страдания, в нем чувствовалась такая душевная плодovitость и блаженство, что, затрудняясь описать это состояние, он говорил, что в нем находится нечто такое, как рай.

Наконец, пришло и время его отшествия. Своей смерти он ждал всю свою жизнь, потому что его пребывание здесь было борьбой, трудом и болью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. И на нас, несмотря на то, что с самого начала он взрастил в нас постоянную память смерти, очень большое впечатление произвело его свывание со “страшнейшим таинством смерти”. Было видно, что он готовился к торжеству. Настолько его сознание уверяло его в Божией милости. Однако в последние дни он опять плакал больше обычного. Отец Арсений говорил ему, чтобы утешить: “Старче, за всю свою жизнь вы совершили столько трудов, столько молитв, столько плача и опять плачете?” Старец посмотрел на него и застонал: “Э-э, отче Арсение! Истина то, что ты говоришь, однако и я человек. Думаешь, я знаю, было ли угодно то, что я делал Богу? Он есть Бог: не так судит, как мы, люди. И, может, опять вернемся сюда, чтобы рыдать. Что успеет сейчас каждый из нас. Насколько пребывает в печали и плачет, настолько утешится”.

Его любовь к Божией Матери была выше всякого описания. Лишь только он упоминал Ее имя, как из его глаз начинали течь слезы. Он долгое время просил Ее, чтобы Она забрала его и чтобы ему отдохнуть. И Всецарица услышала его. За месяц раньше Она сообщила ему об его отшествии. Тогда Старец позвал меня и сказал, что нужно приготовить. Мы ждали.

Накануне его успения, 14 августа 1959 года, повидать его приехал господин Схинас из Волоса: они были очень хорошо знакомы.

— Как ваши дела, старче, — спросил он его, — как здоровье?

— Завтра, Сотир, уйду на вечную родину. Когда услышишь колокола, вспомнишь мои слова.

Вечером на всенощном бдении праздника Успения Богородицы Старец сколько мог пел вместе с отцами. На Божественной литургии, когда причащался Пречистых Таин, сказал: “Снаряжение Жизни Вечной”³.

Рассвет 15 августа. Старец сидит в своем мученическом креслице во дворе нашей келлии. Ждет часа и секунды. Он уверен в том, что ему сообщила Богородица, однако, видя, как время проходит и солнце поднимается, он начинает чувствовать нечто похожее на смущение, волнение от задержки. Это последнее посещение лукавого. Он зовет меня и говорит: “Дитя мое, почему Бог задерживает взять меня? Солнце поднимается, а я до сих пор здесь!” Видя, как мой старец скорбит и почти беспokoится, я осмеливаюсь сказать ему: “Старче, не смущайтесь, сейчас мы сотворим молитву, и вы уйдете”. Его слезы прекратились. Отцы, каждый со своими четками, сотворили усиленную молитву. Не прошло и четверти часа, и он говорит мне: “Позови отцов сделать поклон, потому что я уйду”. Мы сделали последний поклон. Вслед за этим он возвел свой взгляд горе и упорно смотрел около двух минут. Затем повернулся и, полный трезвости и невыразимого душевного изумления, сказал нам: “Все совершил, уйду, удаляюсь, благословите!” С этими словами он склонил голову направо, два-три раза тихо открыл и закрыл уста и глаза, и на этом все завершилось. Он предал свою душу в руки Того, Которого воделел и Которому работал от юности.

Это была смерть истинно преподобническая. Он поселил в нас чувство воскресения. Перед нами было мертвое тело, и нужно было скорбеть, однако внутри себя мы переживали воскресение. И это чувство больше никогда не исчезало: с тех пор им сопровождается всякое воспоминание о приснопамятном святом старце.

*Архимандрит ЕФРЕМ,
игумен святой киновиной обители Филофей
на Святой Горе Афон.*

*Перевод студента богословского факультета
Афинского университета Сергея Говоруна.*

³ Означает то, что необходимо в дорогу.